
ЕВРОПА:
НОВЫЕ РЕАЛИИ

**РЕФЕРЕНДУМ О НЕЗАВИСИМОСТИ ШОТЛАНДИИ
И ПРОБЛЕМЫ БРИТАНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

© 2015 г. С. Перегудов, И. Семененко

В ряду событий последних лет, определяющих суть происходящих в Соединенном Королевстве политических сдвигов, шотландский референдум занимает ключевое место. Кампания по подготовке референдума и его результаты еще более усугубили неравновесность межнациональных отношений в стране. Открылся качественно новый этап конституционной реформы. Взаимодействие между институтами власти Соединенного Королевства и Шотландии стимулирует регионализацию и общий, тяготеющий к федерализму формат политического устройства страны. Процессы политизации шотландской идентичности, рост национального самосознания “внутренних” наций Великобритании и актуализация в публичной дискуссии “английского вопроса” побуждают к осмыслению природы гражданского национализма и ресурсов консолидации политических наций в современном мире. “Новый” национализм может быть осмыслен в этом контексте как гибридный (политический, экономический, социокультурный) феномен, отражающий расширение сферы политики и политического.

Ключевые слова: государственность, политические институты, референдум, деволюция, “внутренние” нации, “вестлотланский вопрос”, “английский вопрос”, политическая (гражданская) идентичность, гражданский национализм, “нации без государства”, Шотландия, Англия, Соединенное Королевство.

Статья поступила в редакцию 14.11.2014.

Состоявшийся 18 сентября 2014 г. шотландский референдум стал важным звеном в сложной цепи последовательных и тесно связанных между собой событий, определяющих нынешние трансформации британской государственности. Название этой цепи – деволюция, то есть процесс постепенного и неуклонного обретения Шотландией и другими национальными образованиями – странами¹, входящими в состав Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии – все более широкого круга политико-управленческих полномочий, расширения сфер их финансово-экономической самостоятельности и культурного самоопределения. В более общем контексте анализа природы политико-институциональных измене-

ний в глобальном мире эти события высвечивают ориентиры и возможные альтернативы трансформации сложившихся в Западной Европе в XX в. моделей политического устройства.

Лидером в процессе деволюции является именно Шотландия – вторая по величине территории и численности населения страна, входящая в состав Соединенного Королевства. Союзные отношения, объединившие два королевства под скипетром британского монарха, регулируются договором 1707 г. Вопрос о шотландском “гомруле” (*home rule* – организация самоуправления путем передачи полномочий из центра на места) не раз поднимался сторонниками большей независимости на протяжении последующего общего, “юнионистского” периода британской истории и привел к учреждению уже в 1885 г. в рамках центрального правительства особого органа управления (*Scottish Office*). Но только растущая политизация этой проблемы в шотландском обществе и проведение почти век спустя двух референдумов – в 1979 г. и 1997 г. – увенчались созданием обладающих сегодня широкими полномочиями институтов власти и управления, в первую очередь – собственного парламента.

ПЕРЕГУДОВ Сергей Петрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (peregood1@gambler.ru).

СЕМЕНЕНКО Ирина Станиславовна, доктор политических наук, зав. сектором ИМЭМО РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (isemenenko@mail.ru).

¹ Именно такой статус имеет каждая из четырех частей Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. В политической дискуссии за представляющими Англию, Шотландию, Уэльс и Северную Ирландию сообществами закрепилось название “внутренних” наций (*home nations*).

Растущая политизация вопроса о статусе Шотландии и расширении сферы ее самоуправления подстегнула сторонников независимости к тому, чтобы добиваться выхода из состава Соединенного Королевства. Шотландская самостоятельность традиционно опирается на несколько “китов”: это своя правовая система, церковь Шотландии, независимая от англиканской и имеющая автономную церковную юрисдикцию, своя система образования, собственная валюта и свои СМИ. Серьезным стимулом стало обнаружение в конце 60-х годов в шотландских территориальных водах в Северном море запасов нефти, давшее экономические козыри для обоснования автономистских политических притязаний. Отвечая на предостережения об опасности “ресурсного проклятия”, неясности в оценках объемов месторождений и неочевидности перспектив экономической самостоятельности², сторонники государственной независимости ссылались на положительный пример Норвегии в управлении своими запасами.

Напротив, “юнионистам” – приверженцам сохранения единой государственности и в Вестминстере, и в самой Шотландии – на протяжении последних десятилетий, когда вопрос о деволюции оказался в фокусе партийно-политической борьбы, не удалось выработать долгосрочной стратегии реформы британской государственности, ключевым звеном которой должно было быть именно обретение большей самостоятельности национальными образованиями, входящими в состав Королевства. В результате рассогласования процессов автономизации “внутренних” наций, с одной стороны, и развития общенациональных политических институтов – с другой, государственное управление Великобритании вступило к началу XXI в. в полосу нарастающих системных сбоев. Прошедший референдум не только существенно усугубил эти сбои, но и серьезно обострил партийно-политическую борьбу, подогрев тем самым и без того высокий интерес к предстоящим в мае 2015 г. всеобщим парламентским выборам.

В научно-теоретическом плане референдум интересен тем своеобразием, которое он продемонстрировал как “частный случай” реализации концепта плебисцитарной демократии. Вместе с тем развитие процессов деволюции во многом

определили динамика политической идентичности и рост национального самосознания как фактора консолидации шотландской гражданской нации.

РЕФЕРЕНДУМ В СПИРАЛИ ДЕВОЛЮЦИИ

Органическая связь референдума с деволюцией неизбежно подводит к необходимости рассмотреть этот его основополагающий контекст. Но и вне анализа итогов референдума деволюция как своеобразный феномен, во многом определяющий всю систему национально-государственных отношений современной Британии, заслуживает того, чтобы вопросам реформирования государственности было уделено особое внимание.

В числе начатых лейбористами в конце 90-х годов конституционных реформ приоритет был отдан Актам о деволюции Шотландии и Уэльса. После второго референдума правительство Тони Блэра, легко преодолев сопротивление консерваторов, провело через обе палаты законы, в соответствии с которыми в Шотландии создавался собственный парламент, наделенный достаточно широким кругом полномочий в финансово-экономической, административно-политической и социальной сферах. В Уэльсе в 1998 г. было санкционировано создание законодательной Национальной ассамблеи (*National Assembly for Wales*), получившей хотя и менее значимые, но также достаточно весомые полномочия. Аналогичный орган – ассамблея (*Northern Ireland Assembly*) – был тогда же учрежден по итогам инициированного лейбористским кабинетом соглашения между католиками и протестантами в Северной Ирландии.

Из всех этих решений особое, принципиально важное значение для британской государственности имел Акт о деволюции Шотландии (1998 г.), поскольку именно он придал ускорение процессам политизации шотландского общества, подъема сепаратистских настроений и углубления партийно-политических размежеваний. Этот закон открыл дорогу Шотландской национальной партии (*Scottish National Party*, ШНП) к участию в формировании ключевых политических институтов и стимулировал рост ее политического потенциала. Партия выступила как “катализатор политических изменений и стала политическим домом для социально мобильных и для молодых избирателей, искавших новую политическую идентичность в стремительно менявшейся Шотландии” [2, р. 118]. Конкурируя в основном с лейбористами, которые традиционно пользовались в

² Действительно, четких экономически обоснованных представлений об объемах этих запасов нет. Оценки резко расходятся и зачастую прямо зависят от политических симпатий экспертов, а цена добычи остается высокой. В разработке месторождений участвуют такие гиганты, как BP, “своих” шотландских компаний в этой сфере нет [1].

Шотландии массовой поддержкой, на первых исторических выборах 1999 г. ШНП завоевала 35 из 129 (27%) мест в новом парламенте, а на выборах в марте 2011 г. она получила уже 53.5% голосов и сформировала однопартийное правительство.

Этот успех побудил ее руководство тут же заявить о намерении провести референдум о независимости. Особых надежд на успех у ШНП и ее лидера Алекса Салмонда тогда не было, о чем свидетельствовали проводимые на этот счет опросы: на рубеже 2010-х годов идею государственной независимости поддерживали не более 30–35% шотландских избирателей. Поэтому лидер ШНП попытался поставить на голосование “промежуточный” вопрос, который ограничивался требованием значительного расширения существующих полномочий, в первую очередь в сфере социального и налогового регулирования (такого рода требования стали называть “деволюция с плюсом” – *“Devo Plus”* или *“Devo Max”*). В ходе переговоров с Дэвидом Кэмероном об условиях референдума Алексу Салмонду пришлось уступить категоричному требованию британского премьера поставить на голосование однозначную формулировку: “за” или “против” независимости. Упорство, с которым Кэмерон настаивал именно на такой постановке вопроса, было, скорее всего, вызвано его тогдашним убеждением, что фиксировавшие значительное преобладание сторонников сохранения Шотландии в составе Соединенного Королевства опросы общественного мнения являются твердой гарантией такого же исхода на референдуме.

В марте 2013 г. была согласована конкретная дата проведения голосования. При этом Салмонду пришлось пойти еще на одну уступку. Вместо предложенной им формулировки – “Вы согласны, что Шотландия должна быть независимой страной?”, которую британские СМИ посчитали подсказкой избирателю, – был принят другой, более нейтральный ее вариант: “Должна ли Шотландия быть независимой страной?” В ходе референдума, таким образом, решался вопрос о том, “быть или не быть” Соединенному Королевству.

Однако проблема формулировок была не единственной и отнюдь не главной трудностью, ибо ко времени проведения голосования обострилась другая, несравненно более сложная и противоречивая проблема “неравновесности” в отношениях между Шотландией и Англией. Неравновесность эта стала очевидной сразу после вступления в силу Акта о деволюции, и суть ее заключалась в том, что, если Шотландия обзавелась собственным парламентом, а Уэльс – ассамблеей, то

Англия осталась, что называется, “при своем”. И если прежде Англия, где проживает более 4/5 населения Соединенного Королевства, являлась пусть не формальным, но фактическим лидером в государстве четырех “внутренних” наций, то теперь положение изменилось почти с точностью до наоборот.

“ВЕСТЛОТИАНСКИЙ ВОПРОС” В ПОЛИТИЧЕСКОМ И СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

Вопрос о праве английских избирателей на собственное политическое представительство обострило проявившееся в процессе деволюции недовольство англичан подрывом их политического первенства. Об этом не стеснялись прямо говорить только политики правого толка, в основном из числа не представленных в Вестминстере, но реально эту точку зрения разделяла значительная часть политической элиты, в первую очередь из числа опиравшихся на английские голоса парламентариев-консерваторов³. И дело здесь было не только в отсутствии у Англии собственных институтов политического представительства, но и в неопределенности ориентиров английского самосознания в условиях размывания имперской идентичности. Имена британских подданных – великих деятелей науки и искусства, стали растаскивать по национальным “квартирам”, и не только “певец Шотландии” Вальтер Скотт, но и такие “великие британцы”, как Адам Смит или Чарльз Ренни Макинтош, стали символами шотландской идентичности (а Роберт Оуэн – валлийской).

Следует иметь в виду, что сама по себе английская идентичность не складывается, в отличие от шотландской или валлийской, в единую картину: ее культурные символы – не специфически английские, но в основном – британские. В этом не было особой проблемы до тех пор, пока в других частях Королевства не развернулась “борьба за идентичность”. При этом не только в уровне жизни, но в культурных предпочтениях и моделях поведения между жителями разных тер-

³ В нынешнем составе Палаты общин 303 депутата от консервативной партии, 257 лейбористов, 56 либеральных демократов, 8 представляют демократическую юнионистскую партию, 6 – ШНП, 5 – ирландскую Шинн Фейн, 3 – валлийскую Плайд Кимру. При этом 533 депутата представляют Англию (в нынешнем созыве – 295 консерваторов, 191 лейборист, 42 либеральных демократа), 59 – Шотландию (из них 40 лейбористов, 11 либеральных демократов, 6 депутатов от ШНП и 1 (!) консерватор), 40 – Уэльс и 18 – Северную Ирландию (по состоянию на 1.11.2014).

риторий Англии остаются заметные различия. Мультикультурный Лондон – столица не только Великобритании, но и Англии – давно перестал быть “английским” городом, и на вопрос о том, где же столица Англии, сегодня уже нет однозначного ответа. Политика мультикультурализма способствовала дальнейшему размыванию специфически английских культурных символов, которые оказались “неполиткорректными”. Но это стимулировало и обратную реакцию – недовольство забвением своего наследия и своего права на собственное, национальное культурное лицо.

Английская идентичность вступила в полосу сложных отношений с идентичностью британской. Как показала состоявшаяся в 2011 г. перепись населения по всей Великобритании, в Англии носителей сугубо английской идентичности было 57.7% (в Уэльсе 58% выбрали только валлийскую идентичность, в Шотландии 62% – только шотландскую). В то же время с британской идентичностью отдельно или в сочетании с другими отождествило себя 29.1% населения Англии (“только британскую” идентичность выбрали 19.1%). Двойная (английская/британская, шотландская/британская и др.) или множественная идентичности оказались в меньшинстве. “Белыми британцами” в Англии и Уэльсе перепись посчитала 80.5% населения (в 2001 г. – 87.5%)⁴. Вновь стал набирать вес английский национализм. Но если раньше он носил имперский, а после распада империи и создания Содружества наций – объединительный характер, то теперь в нем стали явно проследиваться изоляционистские и антиевропеистские настроения.

Проблема неравновесности политического представительства “внутренних” наций приобрела, таким образом, социокультурное измерение. В публичной дискуссии за этой проблемой закрепилось название “Вестлоттианского вопроса” (“*the West Lothian question*”). У нее длинная, полная перипетий история и свой исторический прецедент: проблема была поднята еще в 1886 г. тогдашним главой кабинета либералом Уильямом Гладстоном (кстати, шотландцем по происхождению) в ходе обсуждения закона об ирландском гомруле. Будучи уверенным в том, что “стремление нации к независимости нельзя остановить”, а его игно-

рирование опасно для британской государственности, Гладстон являлся активным сторонником введения гомруля и деволюции для Ирландии, тогда полностью находившейся в составе Соединенного Королевства. При этом в своем качестве премьер-министра он настаивал на том, что в случае принятия соответствующего закона в решении проблем Англии или Шотландии у ирландцев права голоса быть не должно [5]. Как известно, закон об ирландском гомруле не получил тогда поддержки в Палате общин, однако его обсуждение стало отправной точкой дискуссии о реформе британской государственности, идущей с тех пор с разной степенью интенсивности.

В ноябре 1977 г. в ходе дебатов в Палате общин вокруг предложенного тогдашним премьером лейбористом Джеймсом Каллагэном плана предоставления Шотландии права формирования собственного парламента его однопартиец Тэм Дальелл (*Tam Dalyell*) поставил риторический вопрос: “Как долго намерены английские избиратели и представляющие Англию члены парламента мириться с положением, когда шотландские, валлийские и североирландские парламентарии смогут оказывать существенное и, вполне возможно, решающее влияние на британскую политику, в то время как сами они (*англичане*) не будут иметь возможности высказываться по тому же кругу вопросов, касающихся Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии?” [6, р. 5]. Сам Дальелл был в противоположность знаменитому британскому политику викторианской эпохи последовательным противником деволюции и настойчиво аргументировал риски движения по этому пути [7].

Т. Дальелл представлял Вестлоттианский избирательный округ Шотландии, и его не раз высказанная в Палате общин позиция с подачи известного правоконсервативного политического деятеля Энока Пауэлла (*Enoch Powell*) получила название “Вестлоттианского вопроса”. Но это был, конечно, не вопрос в прямом смысле, а своего рода референтный ориентир, способ привлечения внимания к проблемам асимметричной деволюции и ее рискам [8, р. 644].

“АНГЛИЙСКИЙ ВОПРОС” В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ

Шотландия в результате деволюции обрела преимущества, которые ставили ее в особое положение по отношению к другим “внутренним” нациям, и прежде всего – к Англии и англичанам, и пресловутый “вопрос” стал общепринятым эвфемизмом для обозначения, по умолчанию, “анг-

⁴ Вопрос о национальной идентичности был впервые внесен в переписные листы ввиду “растущего интереса граждан к национальному самосознанию и требований принимать во внимание их национальную идентичность”. Он давал возможность множественного ответа, в то время как выбор этнической принадлежности был ограничен одним ответом. Результаты были опубликованы отдельно по Англии и Уэльсу и отдельно – по Шотландии. См.: [3, 4].

лийского вопроса” (“*the English question*”). Этот вопрос о политическом представительстве интересов Англии и о правах английской нации решать проблемы, касающиеся сферы ее исключительных интересов, ведущие политические силы страны до 2010-х годов намеренно обходили в публичной дискуссии. Делалось это из соображений политкорректности и опасений вызвать обвинения в разжигании националистических и правоэкстремистских настроений в разных лагерях, но в первую очередь – в самой Англии. В результате сколько-нибудь общего видения повестки дня в том, что касается “английского вопроса”, в политических кругах не сложилось. И это понятно: деволюция рассматривалась преимущественно как комплекс управленческих практик, а не как “система мышления” и программа взаимодействия между ведущими политическими силами страны для решения острейших проблем. Программа, требующая “признания меняющейся природы политического пространства и постоянных изменений в соотношении сил между распределением власти и ответственности на глобальном, европейском, британском, национальном (шотландском и др. – Прим. авторов), региональном и локальном уровнях” [9, p. 136].

В ходе правления коалиционного кабинета консерваторов и либеральных демократов инициативу в изучении проблемы и оценке возможных вариантов ее решения взял на себя экспертный “мозговой центр”, близкий к лейбористам. В 2009–2012 гг. лондонский Институт исследований публичной политики (*Institute for Public Policy Research*) выпустил в рамках пионерной исследовательской программы серию экспертных докладов [10; 11; 12; 13; 14; 15; 16]. Указывая на наличие “английского вопроса” и связанные с его игнорированием политические риски, эти публикации, по сути, подталкивали лейбористов к тому, чтобы взять на себя роль локомотива в решении этого вопроса.

Разгоревшаяся дискуссия выявила реальные болевые точки непоследовательной и неравномерной деволюции и актуализировала проблему в массовом сознании. Но межпартийные разногласия это никак не примирило, и расхождения в позициях ведущих политических сил по проблемам самоуправления Англии не были преодолены. Проведенный в 2009 г. среди членов Палаты общин опрос показал, что подавляющее большинство парламентариев выступает за реформу управления Англией, но лейбористы поддерживают идею создания наделенных большим кругом полномочий управленческих структур на уровне

регионов, в то время как консерваторы – последовательные противники этой идеи. И значительная часть тори не уверена, что передача местным органам власти больших полномочий решит проблему демократического дефицита, сложившегося из-за неравновесности политического представительства (вопреки позиции премьер-министра и лидера партии Д. Кэмерона) [10]. Ни стратегии, ни последовательной программы деволюции выработано не было.

В поисках выхода из создавшейся на партийно-политическом фронте почти тупиковой ситуации коалиционное правительство Кэмерона–Клегга учредило в январе 2012 г. независимую экспертную комиссию во главе с влиятельным политическим деятелем, бывшим многолетним секретарем Палаты Общин сэром Уильямом Маккеем. Весной 2013 г. комиссия опубликовала доклад и предложения по урегулированию “вестлотланского вопроса”. Выступив однозначно против создания парламента Англии, комиссия рекомендовала, чтобы чисто английские вопросы обсуждались на уровне парламентских комитетов только английскими парламентариями, однако окончательное решение по ним должны приниматься всем составом палаты [17]. Принятый к исполнению, этот компромиссный проект на время несколько ослабил остроту проблемы, но снять ее, конечно же, не смог.

Референдум о независимости Шотландии высветил возрастающую значимость и другой “автономистской” тематики. Под огонь критики попала модель выстраивания межбюджетных отношений в рамках так называемой формулы Барнетта (по имени предложившего ее в 1978 г. депутата-лейбориста Джоэля Барнетта) – механизмов расчета финансируемых из центра бюджетных расходов. Эта модель соотносит корректировку величины поступлений в бюджеты Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии с изменениями пропорций населения, вне зависимости от объемов собираемых налогов, реальных социальных приоритетов и различий в местных условиях. В рамках применения этого расчетного механизма объем приходящихся на Англию бюджетных средств в расчете на душу населения меньше, как показывает официальная статистика, чем на другие части Соединенного Королевства: Северная Ирландия получает 10 876 ф.ст., Шотландия – 10 152, Уэльс – 9709, а Англия – 8529 ф.ст. (данные 2012–2013 гг.). Выделяемое финансирование, в свою очередь, неравномерно распределяется между регионами в самой Англии (в наиболее благоприятном положении находится столица).

Сегодня сам автор называет предложенный им более 30 лет назад механизм “страшной ошибкой и национальным позором”. Призванная выравнять тогдашние разрывы в уровнях жизни между территориями и задуманная как сугубо временная мера с годами “формула Барнетта” оказалась не в состоянии решать эти задачи [18]. По данным 2012 г. на душу населения в Англии приходится 21 937 ф.ст. валовой добавленной стоимости, в Шотландии эта цифра ниже почти на 2 тыс. ф.ст. (20 013), в то время как Уэльс (15 401) и Северная Ирландия (16 197) по-прежнему заметно отстают [19]. Остаются и ощутимые различия в уровне жизни между английскими регионами – на севере и северо-востоке эти показатели ниже.

Острая критика “формулы Барнетта” до сих пор не привела к разработке альтернативного перераспределительного механизма, однако выдвигаемые критиками требования идут в русле целеориентированного финансирования реальных нужд территорий и большей бюджетной автономии как механизма поддержки процесса деволюции, вплоть до полной налоговой автономии, за которую, в частности, ратует Шотландская национальная партия. Субъектами этого перераспределения должны выступить территориальные образования.

РЕГИОНЫ И ГОРОДА НА ПУТИ К САМОДОСТАТОЧНОСТИ

Вопрос о придании городам и регионам (а точнее – взятии ими) автономного или полуавтономного статуса возник практически одновременно с началом процесса деволюции, однако, в отличие от него, не развивался “по экспоненте”. Инициированный в конце прошлого века лейбористами, он не получил в то время достаточной поддержки со стороны избирателей: проведенный в 2007 г. референдум о создании регионального парламента в одном из наиболее перспективных в этом плане регионов – в Северо-Восточной Англии – дал негативный результат, идея была отвергнута подавляющим большинством принявших участие в голосовании. Неудача не остановила лейбористов, и они начали явочным порядком продвигать процесс, создавая в регионах агентства экономического развития различного уровня и региональные палаты из представителей бизнеса, власти и экспертного сообщества. Однако пришедшие к власти в 2010 г. консерваторы ликвидировали эти органы, в результате чего на уровне регионов образовался управленческий вакуум.

Неудивительно, что даже в среде самих консерваторов в последние годы стали все настойчивее раздаваться голоса, требовавшие создания “партнерств на местах” (*local partnerships*) и других подобных структур, призванных заполнить этот вакуум. Наиболее активно и решительно встал на эти позиции бывший крупный государственный деятель тори Майкл Хезелтайн, ставший инициатором ряда мер по укоренению и развитию новых управленческих структур на северо-востоке Англии. Эти структуры начали активно формироваться на основе опыта государственно-частных (публично-частных) партнерств, запущенных в рамках программы государственной поддержки еще в 90-е годы. “Партнерства на местах” берут на себя организацию экспертного обеспечения работы органов местного самоуправления и общественных служб для развития экономической и социальной инфраструктуры территорий. В 2012–2013 гг. они организовали взаимодействие с более чем двумястами органами местного самоуправления в Англии и Уэльсе [20].

Среди этих и других мер и инициатив такого рода важное место занял разработанный группой специалистов и политиков во главе с бывшим министром транспорта лейбористом Эндрю Адонисом проект создания Объединенного управления местных властей (*Combined Authority*) в ряде наиболее экономически уязвимых английских регионов. За основу было принято предложение нескольких локальных партнерств создать объединенный региональный центр, делегировав ему необходимые полномочия в развитии экономики, транспорта и модернизации инфраструктуры территории. К середине 2014 г. создано пять таких структур – Большого Манчестера, городского региона Шеффилда, Северо-Востока, городского региона Ливерпуля и Западного Йоркшира, на очереди стоит Бирмингем. У органов такого уровня большой потенциал общественной поддержки, поскольку население Англии традиционно идентифицирует себя с графством и городом проживания, а не с регионом.

В конечном счете продвижение по пути децентрализации зависит от общественного запроса на самоуправление, не всегда артикулированного и далеко не очевидного: как показали дискуссии на местах вокруг продвигаемого консерваторами проекта “Большого общества” (*“Big Society”*), нацеленного на более широкое вовлечение граждан в решение локальных социальных проблем, доминирующим остается запрос на эффективное государственное управление, особенно в условиях проведения курса на “жесткую экономию”.

В развернутом интервью, помещенном на сайте Северо-восточного экономического партнерства, Э. Адонис подчеркнул, что в регионе существуют влиятельные группы бизнеса и профессионалов, а также местные сообщества (*community groups*), и их представителям предложено дать свои рекомендации возглавляемой им команде. А она уже сможет свести поступившие предложения воедино и подготовить учитывающий эти рекомендации документ для представления центральному правительству (о чем с ним уже существовала договоренность)⁵. В подготовленном по итогам этих консультаций докладе была предложена программа мер по созданию новых рабочих мест, развитию инфраструктуры, в том числе в сфере образования и экономики туризма и впечатлений (*visitor economy*), по продвижению региональной стратегии инновационного развития и включения в глобальные производственные цепочки [22].

Важную роль в разработке проекта и его продвижении сыграл уже упоминавшийся влиятельный мозговой трест левоцентристской ориентации – Институт исследований публичной политики, который запустил программу экспертного обеспечения развития северных регионов страны и создал здесь соответствующее подразделение Института (*IPPR North*), имеющее представительства в Манчестере и Ньюкастле. О серьезном политическом измерении стратегического плана развития северных регионов Англии свидетельствует активная его поддержка как со стороны оппозиционной лейбористской партии, так и правительственных кругов.

Наряду с инициативами, постулирующими продвижение регионализации, все большую значимость обретают проекты и инициативы автономизации ряда крупных городских агломераций. Еще в 2003 г. была запущена программа “Лондонский вызов” (*London Challenge*), которая к концу 2000-х стала “Городским вызовом” (*City Challenge*): к программе улучшения школьного образования и расширения возможностей для

молодежи на рынке труда через взаимодействие школ, родителей, учащихся и местных властей подключились Манчестер и ряд других городов Центральной Англии [23]. Самая масштабная на сегодняшний день инициатива исходит от “группы ключевых городов” (*Core Cities Group*) Англии, в которую вошли мэры десяти крупных городских агломераций страны – Бирмингема, Манчестера, Лидса, Ливерпуля и др. Основное, “историческое” требование этого объединения – предоставление мегаполисам существенной финансово-экономической самостоятельности. По существу, речь идет о формировании административно-политического сообщества городов, призванного вырабатывать общие принципы и эффективные механизмы продвижения интересов городских сообществ. Последней по времени инициативой такого рода стало создание “Партнерств местных предприятий” (*Local Enterprise Partnerships*). Тот факт, что в городах – участниках объединения сосредоточено более четверти (26.5%) британской экономики [24], свидетельствует об их серьезном лоббистском потенциале.

Набиравшие силу региональный и урбанистический тренды вынудили правительство менять свои приоритеты. В 2010 г. в составе правительства был учрежден новый пост министра по делам децентрализации и городов, а в 2011 в рамках реализации проекта “Большого общества” приняты законодательные акты по децентрализации местного управления (*Localism Acts*), существенно расширяющие полномочия как городских администраций, так и представляющих городские сообщества структур – гражданских организаций, благотворительных фондов и т. д. Принятие этих мер в разгар финансового кризиса вызвало, однако, вопросы об их выполнимости и о реальном общественном запросе на делегирование полномочий местным сообществам [25].

Сразу после оглашения результатов референдума регионализм и локализм получили новый сигнал поддержки от самого премьер-министра. Заявив о необходимости “деволюционной революции” (*devolution revolution*) в Британии, Кэмерон пообещал содействовать дальнейшей “передаче больших полномочий городам и регионам Соединенного Королевства” [26]. Этими уступками премьер, однако, не ограничился, попытавшись одновременно ревизовать тот вариант решения “английского вопроса”, который год назад был предложен уже упомянутой комиссией Маккея в докладе по проблемам деволюции и благодаря которому накал дискуссии вокруг этой проблемы удалось на какое-то время снизить.

⁵ На такую договоренность правительство пошло с явной неохотой. Как писал директор Северного центра (IPPR) и заместитель председателя Комиссии экономического будущего Севера (*Northern Economic Future Commission – NEFC*) Эд Кокс, “пока правительство пребывало и пребывает в растерянности, инициативу взяли на себя другие силы и организации – сначала Хезелтайн, затем NEFC и теперь лорд Адонис – все они сознают важность локальных и региональных экономик для возрождения национального благосостояния”. Создаваемое же в Северо-Восточном регионе “объединенное управление, – подчеркнул он, – исключительно важный инструмент для реализации этой цели” [21].

“АНГЛИЙСКИЙ ВОПРОС” И НОВАЯ ВОЛНА ДЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭКСПАНСИИ

Тот факт, что по итогам референдума Шотландия получила весомое прибавление к своим и без того исключительно широким правам и привилегиям, обусловленным деволюцией, побуждает основные партийно-политические силы Соединенного Королевства искать согласованные решения в деле распространения этого правового поля на всю территорию страны, включая и ее муниципальные образования. Такое выравнивание должно, по мнению многих политиков и экспертов, привести к радикальному изменению ситуации к лучшему и если не закрыть, то, по меньшей мере, приглушить пресловутый “вопрос”.

Этого, однако, пока не случилось, и, как констатировали сразу после объявления результатов референдума британские СМИ, после ухода на какое-то время в тень “английский вопрос” вырвался, как джин из бутылки, и вторгся в самую сердцевину британской политики. Уже через несколько часов после оглашения результатов референдума чутко реагирующий на изменения политической конъюнктуры британский премьер заявил, что «пришло время взяться за решение “Вестлотианского вопроса” – конституционной несурзности, которая держит и политических аналитиков, и обывателей в увлекательной полемике в течение целых десятилетий» [27]. Он же заговорил о необходимости лишить шотландских парламентариев даже формального права участвовать в решении проблем, касающихся непосредственно Англии. Тем самым в очередной раз был поставлен вопрос о “двух парламентах в одном” (по формуле “*British MPS for British laws*”, “*English MPS for English laws*”). Однако большинство его однопартийцев недовольны тем, что шотландцам были сделаны уступки, и не поддерживают эту попытку снизить накал внутривнутрипартийной критики. Со своей стороны лидеры лейбористской и либерально-демократической партий решительно не приемлют этой двухуровневой формулы, раскалывающей, по их мнению, Соединенное Королевство. Все это делает неизбежным обострение партийно-политической борьбы по данному вопросу и провоцирует выплески националистических настроений как в Англии, так и в других частях королевства.

Но, как бы ни пошло дальше политическое развитие Британии, непреложным остается тот факт, что оно будет идти именно в этом общем, деволюционном русле. Деволюция была и остается эпицентром конституционной реформы,

определяющим как партийно-политическую, так и социокультурную динамику государства и общества. И даже если чисто внешне в Соединенном Королевстве серьезных политико-институциональных подвижек в ближайшем будущем не произойдет, порожденные деволюцией острейшие проблемы и противоречия будут оказывать самое существенное воздействие на пребывающую в неустойчивом равновесии британскую государственность.

О том, что ситуация будет развиваться именно в таком системном ключе, свидетельствует нацеленность основных партий страны на продолжение конституционной реформы и разработку всеобъемлющего проекта писаной британской конституции [28]. Но существует и еще один не менее важный аспект шотландского референдума, связанный с теми особенностями поведения шотландского избирателя, которые проявились на этапе подготовки голосования и сказались на его результатах.

“НОВЫЙ” ШОТЛАНДСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ: ЧТО ПОКАЗАЛ РЕФЕРЕНДУМ

Как известно, в течение довольно длительного времени опросы фиксировали нарастающую долю тех, кто намеревался голосовать за отделение Шотландии. В какой-то момент, незадолго до решающей даты, шансы их сравнялись или почти сравнялись с шансами их оппонентов, и вовсе не случайными были те панические настроения в правительстве, которые привели к раздаче столь щедрых обещаний большей самостоятельности. Однако буквально за несколько дней до голосования совершенно неожиданно для большинства наблюдателей восходящий тренд сменился нисходящим, и результаты референдума определились именно этим, нисходящим трендом: 55 против 45%.

Причина такого поворота заключалась, на наш взгляд, в смене кода поведения участников голосования. На протяжении долгого времени доминирующим был “идеологический” код, то есть избиратель определял свою позицию, исходя из того, хочет он, чтобы Шотландия была независимой, или же он в принципе против. В условиях роста национального самосознания, “обретения” шотландцами собственной истории и разработки повестки дня самостоятельного развития происходила беспрецедентная массовая политизация шотландской идентичности.

Однако наступил момент, и это произошло как раз за те несколько дней до голосования, о кото-

рых говорилось выше, когда избиратель начал целенаправленно взвешивать, выгодна ему или не выгодна независимость Шотландии. И как только он стал прикидывать, что даст “за” и что даст “против”, у него возникли серьезные опасения, что результат “за” либо однозначно не выгоден, либо приобретения весьма неопределенны.

Иначе говоря, для значительной части избирателей экономические мотивы стали преобладать над идейными, и в конечном итоге победил экономически мотивированный прагматизм. Но произошло это отнюдь не случайно, а потому, и только потому, что “за спиной” избирателя была широкая экономическая и политическая автономия Шотландии, в условиях которой пребывание в составе Соединенного Королевства – это для него не минус, а плюс, причем для многих, и особенно для бизнеса – большой плюс. Кстати сказать, роль бизнеса в ходе кампании и в ее конечном исходе исключительно велика, и ее невозможно переоценить, тем более что против независимости недвусмысленно высказывался шотландский большой бизнес, в том числе финансовый сектор.

Важно отметить и другое: за таким прагматизмом стояла не только оценка выгод, но и страх потерять привычные блага, обеспечиваемые пребыванием в составе Соединенного Королевства. У граждан Шотландии есть сегодня весомые преимущества в сфере социального обеспечения: студенты университетов не платят за образование, все граждане – за лекарственные рецепты (в Англии они платные). Средства на социальную поддержку нуждающихся распределяют местные органы власти с участием самих заинтересованных лиц и в соответствии с их выбором – прямого финансирования или других возможных вариантов социальной помощи, услуги ухода за нуждающимися оплачиваются из бюджетных средств. Кризисные явления в развитии социального государства в Великобритании вызвали бурную полемику вокруг возможностей его реформирования и поддержания социальных завоеваний в самой Шотландии.

В шотландском архетипе заложены ценности эгалитаризма и солидарности, заметно отличающие его от архетипа английского [2], и собственная государственность рассматривается ее сторонниками “как инструмент построения более эгалитарного общества” [29, р. 52]. Неслучайно среди сторонников независимости было заметно больше молодежи, а самый высокий уровень поддержки (57.3%) показал Данди – портовый город с кризисной промышленной инфраструктурой. Однозначно за независимость высказались всего

четыре региона, в том числе Глазго, где после завершения голосования произошли ожесточенные уличные столкновения сторонников независимости и “юнионистов”. Но исход выборов во многом решил обыватель, сторонник сохранения статус-кво.

Процессы деволуции и подготовки референдума выявили общий для имеющих “внутреннюю” нации стран Запада феномен, который получил название “неонационализма” (*neo-nationalism*). Автором термина является известный шотландский ученый, видный деятель британских “новых левых” Том Найрн, исследовавший в 70-е годы трансформацию природы националистических движений [30, 31]. В отличие от “классических” вариантов гражданского и этнического национализма, развивавшегося в период становления национальной государственности в Европе или в эпоху борьбы против колониализма в третьем мире, такой национализм возникает в экономически благополучных обществах в условиях развитых форм гражданской самоорганизации [2, pp. 188-193]. Он выражает стремление к самоопределению и утверждению собственной идентичности “наций без государства” в условиях глобализации и развития наднациональных интеграционных процессов, “корректирующих” суверенитет исторического национального государства (*nation state*).

“Нациями без государства” в Западной Европе считают себя каталонцы, баски, фламандцы, а на американском континенте – жители французского Квебека. С требованиями пересмотра нынешнего политического статуса выступают и движения за самоопределение Корсики, Южного Тироля, Гренландии и Фарерских островов, а также ряда территорий проживания автохтонных меньшинств в странах Восточной Европы. Политическое проявление этого феномена имеет ярко выраженный гибридный характер [32], поскольку может вбирать партии и движения разных политических спектров, этнические, культурные, территориальные и политические, в том числе социально-классовые, идентичности. Сам выбор идейных ориентиров оказывается в этих условиях ситуативным. В Шотландии националистический партийно-политический спектр окрашен в левые тона, ШНП в 70–80-е годы произрастала “в тени” лейбористской партии и в жестком противостоянии тэтчеристскому неолиберальному курсу [29, р. 52].

Политические выразители “нового национализма” используют его в том числе как средство торга с Центром. При этом политический капитал может формироваться на базе культурной

общности, в частности через использование языка, отличного от главного государственного (как в случае Каталонии или Квебека). В Шотландии общие культурные символы только подпитывают, но не формируют политический нарратив о самоопределении. Гэльским языком (*Gaelic*) владеют здесь, согласно данным последней переписи, только 1.1% населения. Шотландское общество – более однородное в этнокультурном отношении, чем английское: в Шотландии, согласно данным последней переписи, 4% населения назвали себя представителями этнических меньшинств, но за десять лет эта цифра увеличилась вдвое (среди жителей Глазго таких было 12%) [4]. Историческая политика – в смысле национально ориентированного прочтения прошлого – обрела плоть в фундаментальных трудах шотландских историков только в последние десятилетия в ходе политизации шотландской идентичности и появления общественного запроса на собственную историю.

Рост национального самосознания связан в Шотландии с успешным (особенно явственным в сравнении с предыдущим поколением) экономическим и социальным развитием, с широким распространением различных форм гражданской самоорганизации и утверждением гражданской идентичности, основанной на общности политических и социальных институтов и инфраструктуры социального государства.

По итогам шотландского референдума победа оказалась за сторонниками деволюции, того варианта “*Devo Max*”, за который первоначально и ратовал подавший после голосования в отставку лидер ШНП Алекс Салмонд. Избранный в ноябре 2014 г. новый лидер партии Никола Стерджен нацелена на жесткую конкуренцию с лейбористами на поле борьбы за расширение сферы социального государства, в первую очередь – расходов на детские сады и здравоохранение. И у нее есть основания рассчитывать на успех: за прошедшие со времени голосования месяцы ряды партии выросли более чем в три раза, до 85 тыс. человек, и в конце 2014 г. каждый 50-й взрослый шотландец был член ШНП [33]. Есть и долгосрочные планы проведения нового референдума – в том, например, случае, если Англия будет стремиться к выходу Соединенного Королевства из Евросоюза.

Следующей на очереди в проведении политики деволюции, согласно обещаниям британских политиков, должна быть сама Англия. Но модель политико-институциональных трансформаций здесь будет – и это уже очевидно – иной. Локомотивами изменений могут стать крупные города или тер-

риториальные кластеры развития. Возможны и другие сценарии, но очевидно, что процесс децентрализации набирает обороты. Возможно и укрепление антиистеблишментских партий националистического толка, пока маргинальных, которые могут пытаться разыграть “английскую карту”.

* * *

Какие же “уроки” вытекают из опыта британской деволюции? Они видятся в той истине, со всей наглядностью подтвержденной референдумом, что шансы сохранения целостности “рисковых” государств прямо пропорциональны степени автономии и самостоятельности, которую носители этих рисков – регионы и нации – имеют или могут иметь. И чем реальнее их автономия и возможности ее расширения, тем большая вероятность того, что они предпочтут пользоваться выгодами этой автономии и не станут рвать связей в рамках “союзного” государства. У такого проекта автономизации должно быть перспективное, стратегическое видение, которое в данном случае до сих пор отсутствовало. И оно должно вписаться в контекст “процессуальной” демократии, о реальности которой уже приходилось писать авторам статьи. Речь идет о тонкой и постоянной настройке институтов и общественном мониторинге их деятельности [34, с. 112; 113-124]. Данный тезис, или урок в полной мере относится и к России, причем, учитывая резервы ее федерализации, относится не в последнюю, а в первую очередь.

Рост национального самосознания в условиях развитых институтов гражданского общества и социального государства становится стимулом политико-институциональных инноваций. Шотландский референдум выявил роль гражданской идентичности как ресурса консолидации политической нации. “Новый” национализм может быть осмыслен в этом контексте как “гибридный” (политический, экономический, социокультурный) феномен, отражающий расширение сферы политики и политического. Общественный запрос на более эффективное управление в условиях нарастания кризисных явлений в функционировании традиционных представительных институтов реализуется не только через “вертикальную” деволюцию самих институтов, но и путем “горизонтальной” деволюции, передачи полномочий социального регулирования гражданским организациям, местным сообществам. За этими процессами стоят проблемы личной ответственности гражданина, преодоления отчуждения между гражданами и выступающими от их имени институтами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Macalister T. How Much North Sea Oil Revenue Can an Independent Scotland Extract? *The Guardian*, 08.09.2014.
2. McCrone D. *Understanding Scotland. The Sociology of a Nation*. 2nd ed. London and New York, Routledge, 2001. 216 p.
3. *Ethnicity and National Identity in England and Wales 2011*. Available at: <http://www.ons.gov.uk/ons/rel/census/2011-census/index.html> (accessed 06.11.2014).
4. *Key Results on Population, Ethnicity, Identity ... in Scotland*. Available at: <http://www.scotlandscensus.gov.uk/news/census-2011-release-2a> (accessed 07.11.2014).
5. Hammond J.L. *Gladstone and the Irish Nation*. London, Frank Cass, 1964 (1938). 808 p.
6. Bowers P. *The West Lothian Question*. House of Commons Library. Standard Note: SN/PC/2586. 18.01.2012. Available at: www.parliament.uk/briefing.../sn02586.pdf (accessed 04.11.2014).
7. Dalyell T., ed. *Devolution: The End of Britain?* London, Jonathan Cape Ltd, 1977. 320 p.
8. Mclean I. Challenging the Union. *The Oxford Handbook of Modern Scottish History*. Devine T. M., Wormald J., eds. Oxford, Oxford University Press, 2012, pp. 635-651.
9. McLeish P. *Scotland. The Growing Divide. Old Nation, New Ideas*. Ed. by Brown T. Edinburgh, Luath Press Ltd., 2012. 257 p.
10. Kenny M., Lodge G. *More than one English Question*. L., Institute for Public Policy Research (IPPR), 2009. Available at: <http://www.ippr.org/> (accessed 18.10.2014).
11. Kenny M., Lodge G. *The English Question: The View from Westminster*. L., IPPR, 2010. Available at: <http://www.ippr.org/> (accessed 20.10.2014).
12. Curtice J. *Is an English Backlash emerging? Reactions to Devolution Ten Years On*. L., IPPR, 2010. Available at: <http://www.ippr.org/> (accessed 08.10.2014).
13. Kenny M., Lodge G. and Schmuecker K. *English Questions in a Devolved United Kingdom*. L., IPPR, 2010. Available at: <http://www.ippr.org/> (accessed 20.10.2014).
14. English R. *Is there an English nationalism?* L., IPPR, 2011. Available at: <http://www.ippr.org/> (accessed 23.10.2014).
15. Wyn Jones R., Lodge G., Henderson A. and Wincott D. *The Dog That Finally Barked: England as an Emerging Political Community*. L., IPPR, 2012. Available at: <http://www.ippr.org/> (accessed 27.10.2014).
16. Gallagher J. *England and the Union: How and Why to Answer the West Lothian Question*. L., IPPR, 2012. Available at: <http://www.ippr.org/> (accessed 08.10.2014).
17. *The McKay Commission Report*. Available at: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20130403030652/http://tmc.independent.gov.uk/> (accessed 16.10.2014).
18. Wilkinson M. What is the Barnett formula? *The Telegraph*, 24.09.2014.
19. *Compendium of UK Statistics Economy*. Available at: <http://www.ons.gov.uk/ons/guide-method/compendiums/compendium-of-uk-statistics/economy/index.html> (accessed 14.10.2014).
20. *Local Partnerships: Helping the Public Sector Deliver Locally*. London, HM Treasury – Local Government Association. Available at: <http://localpartnerships.org.uk/> (accessed 25.10.2014).
21. Cox E. *Adonis's Review Should Galvanise Northeast and Its Neighbours*. Available at: <http://www.newstatesman.com/politics/2013/04/adoniss-review-should-galvanise-north-east-and-its-neighbours> (accessed 05.11.2014).
22. *North East Independent Economic Review*. April 2013. Available at: <http://www.thenorthernecho.co.uk/resources/files/28979> (accessed 09.10.2014).
23. *Evaluation of the City Challenge Programme*. Department for Education Research Report DFE-RR215. 2010. Available at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/184093/DFE-RR215.pdf (accessed 24.10.2014).
24. *Core Cities*. Available at: <http://www.corecities.com/> (accessed 17.10.2014).
25. *The World Will be Your Oyster? Reflections on the Localism Act 2011*. Compiled and edited by Raine J. and Staite C. University of Birmingham. Institute of Local Government Studies, 2012. Available at: <http://www.birmingham.ac.uk/Documents/college-social-sciences/government-society/inlogov/news-events/reflections-localism-act.pdf> (accessed 27.10.2014).

26. *The Guardian*, 19.09.2014.
27. The West Lothian Question. *The Economist*, 29.09.2014.
28. Перегудов С.П. Конституционные реформы 1997–2012 гг. *Дилеммы Британии. Поиск путей развития*. Москва, Весь мир, 2014, сс. 59–79. [Peregudov S.P. Konstitutsionnye reformy 1997–2012 [Constitutional Reforms of 1997–2012]. *Dilemmy Britanii. Poisk putei razvitiya*. [Dilemmas of Britain. In Search for New Paths of Development]. Moscow, Ves' mir, 2014, pp. 59–79.]
29. Jackson B. The Political Thought of Scottish Nationalism. *The Political Quarterly*, vol. 85, no. 1, January–March 2014.
30. Nairn T. *The Break-Up of Britain: Crisis and Neo-Nationalism*. London, New Left Books, 1977. 368 p.
31. Nairn T. *The Break-Up of Britain*. 3rd ed. Introduction. 21st Century Hindsight. Altona, Australia, Common Ground Pub., 2003. 398 p.
32. Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. Гибридные политические институты в современных политиях. *Вестник Московского университета, серия 21. Управление (Государство и общество)*, 2015, № 2 (в печати). [Morozova E.V., Miroshnichenko I.V. Gibridnye politicheskie instituty v sovremennykh politiyakh [Hybrid Political Institutes in Modern Politics]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, seriya 21. Upravlenie (Gosudarstvo i obshchestvo)*, 2015, no. 2 (forthcoming).
33. The SNP's New Leader. Queen of Scots. *The Economist*, 22.11.2014.
34. Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И., ред. *Политические изменения в глобальном мире: теоретико-методологические проблемы анализа и прогнозирования*. Москва, ИМЭМО РАН, 2014. 218 с. [Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I., eds. *Politicheskie izmeneniya v global'nom mire: teoretiko-metodologicheskie problemy analiza i prognozirovaniya* [Political Change in a Global World: Theoretical and Methodological Problems of Analysis and Forecasting]. Moscow, IMEMO RAN, 2014. 218 p.]

THE SCOTTISH REFERENDUM AND BRITISH STATE HOOD

(MEMO Journal 2015, no. 3, pp. 64–75)

Received 14.11.2014

Sergei P. PEREGUDOV, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation (peregud1@rambler.ru).

Irina S. SEMENENKO, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation (isemenenko@mail.ru).

The Scottish referendum occupies special place in the row of events determining the very essence of the current political transformations in the United Kingdom, and is bound to influence both the future of the British statehood and the long-term development of British political institutions. The referendum campaign and the results of the Scottish vote have further aggravated the imbalances between the “home nations” in the UK. The promises given by the British political class to Scottish voters will have long-time consequences for the ardently debated constitutional reform. Relations between the political institutions of the UK and Scotland are becoming a decisive driver of governance decentralization and regionalization as well as of the general trend towards federalism. The changes in the Scottish political landscape and the voters' behaviour can be regards as a message for other states with separatist risks. The politicization of Scottish identity, the affirmation of “home nations” identities and the growing importance of “the English question” for public opinion and political debates over the prospects of constitutional reform point to the changing nature of the nationalism in a society with strong civil institutions and a developed welfare state. “New” nationalism emerges as a hybrid phenomenon with political, economic and sociocultural connotations reflecting the expansion of the political sphere, and a strong civic identity – as source of social consolidation of a modern nation.

Keywords: statehood, political institutions, referendum, devolution, “home nations”, “the West Lothian question”, “the English question”, political (civic) identity, civic nationalism, “stateless nations”, Scotland, England, United Kingdom.

About authors:

Sergei P. PEREGUDOV, Dr. Sci. (History), Principal Researcher.

Irina S. SEMENENKO, Dr. Sci. (Political Science), Head of Research Group.